

АЛЕКСАНДР АРХИПЕНКО

К 50-ЛЕТИЮ ТВОРЧЕСТВА МАСТЕРА

БОЛЬШЕ полувека тому назад, в одном из уездных городов живописной Полтавщины — Прилуках, состоялась выставка никому еще не известного, 19-летнего художника и скульптора. Благодаря ярко выраженной новаторской устремленности выставка имела неожиданный и для провинции оглушительный успех. Имя дебютанта — Александр Архипенко.

Несколько лет спустя оно зазвучит как боевой сигнал, как один из паролей грандиознейшей революции в истории искусства и не перестанет звучать по сей день. Осенью 1956 г. в связи с американской континентальной выставкой в Витней-Музее, критика, пропуская все другие имена, снова подчеркнет пронзительную новизну, ошеломляющее совершенство скульптуры Архипенко "Искусство отражения"...

В 1904 году Архипенко, уроженец Киева, поступил в Художественное училище на Сенном Базаре.

После революции 1905 года Архипенко был исключен из Киевского училища за "своерасие" и "вольномыслие" и переехал в Москву, где прожил два года и принимал деятельное участие в художественной жизни, после чего отправился в Париж. Но и в парижской Ecole des Beaux - Arts атмосфера была не лучше чем в киевском училище. Преподаватели не только не хотели понимать новаторских начинаний Архипенко, но отказывались даже вы-

сказывать свои суждения о его таланте и о его работах. Одна из первых революционных по замыслу и по фактуре работ Архипенко — барельеф "Шошен" была встречена недоумением и насмешками. Архипенко бросил школу на второй неделе занятий и начал учиться сам... в Лувре.

В Париже, вблизи Инвалидов, в громадном и старом здании быв. иезуитского монастыря, в близком соседстве с ателье Матисса и повсеместно тогда царившего Родена молодой киевлянин открыл при своем ателье школу. Об этом героическом периоде написано немало. Архипенко рассказывает:

"Брака, Пикассо, Леже и других — я конечно, знал. Это были совсем молодые люди. Это было время, какого никогда больше не придется переживать. На Монпарнассе, в « Closerie des Lilas » собирались интереснейшие люди — художники, музыканты, поэты. Из поэтов лучше всех понимал меня Аполинер, писал обо мне статьи, за которые его прогнали из редакции, где он работал. В 1914 г., когда его мобилизовали, пришел ко мне в Ниццу проститься, после этого мы уже не виделись. Самое существенное для того времени было отчетливое чувство, что родится действительно новая эпоха, в корне отличающаяся от всех предыдущих. В воздухе носились новые идеи, новые учения, предстояли важнейшие политические и соци-

альные перевороты. Имена Эйнштейна, Бергсона, Блерю уже свидетельствовали о приближающихся радикальнейших трансформациях... Что касается кубизма, то его пионером следует назвать, конечно, Сезанна. Мне же геометричность формы диктовал материал, употребляемый мною: стекло, жезл, пласти металла..."

**

СЕГОДНЯ, с перспективой 50 лет (и каких лет!) самого напряженного творчества индивидуальность и значение Архипенко вполне оправданы. Это не только скульптор-изобретатель, экспериментатор и новатор ("всегда вперед — мой девиз" — говорит нам Архипенко), но и философ, мыслитель, один из самых стойких и самых смелых, всегда бескомпромиссных и в то же время интереснейших мастеров нашего века, не только "потрясающий фундаменты принятых концепций скульптуры", но больше того: вносящий в эстетику нашего времени свои собственные, исключительно цельные элементы, ставшие уже в момент их создания неотъемлемой частью окружающего нас пейзажа.

Многих поражает огромная vitalность Архипенко, его постоянно возвращающаяся юность, которая помогает ему с каждым очередным произведением или с каждым его экспериментом являться блистательным пионером, или непостижимым мастером. Может быть это — дар его стеной, прекрасной отчизны, откуда пришел он — внешне напоминаящий пасечника, чумака, степного конквистадора-козака, рыбака с берегов голубого Лимана, коренастый и крепкий, насыщенный энергией и волей к творчеству.

"Я ищущ реальность, но не фор-

мальную реальность предметов — говорит Архипенко о себе, — я ищущ реальность символическую, духовную"... Ибо "понимать" Архипенко это, на обделенном языке, обозначило бы радоваться словно дитя или слепой, которые открывают в статуях Архипенко хоть что-нибудь, что напоминает им "натуру" или хотя бы намекает на нее. Но ведь Архипенко с самого начала и всегда утверждал свое творчество как антинатуралистическое, хотя иногда — вероятно, в короткие интермеццо своей бешеной деятельности, — он может поразить и совершенным овладением ремесла: его бюст лиризирующего Фуртвенглера сделан в фактуре барокко, его "Тарас Шевченко" — в стиле монументального неореализма, его портреты маслом без наименьшего усилия возвращаются к фигуративности, вполне приемлемой и для неискущенного глаза.

Архипенко — *semper tiro*, всегда ученик.

Читая свои лекции в Чикагском университете он еще совсем недавно прилежно изучал как рядовой студент биологию. Его книга, составляющая квинтэссенцию его философских, эстетических и художественно-технических размышлений и опытов, вскоре выходит из печати и во многом поможет раскрыть его творчество. В ателье Архипенко на Среднем Бродвее, куда льется бледное нью-йоркское солнце, интуитивный стереотипный пейзаж интерьеров ателье художника будет разочарован: там нет фрагментов монументальных форм, анатомически оправданных пропорций — это скорее реалии астронома, биолога, механика:

... машины и токарные станки,

электрические буравы и невиданный у скульпторов материал: алюминий, стекло, полихромовый камень, плексистекло, перламутр, драгоценные камни...

... фотоснимки и схемы небесных тел, планет и комет, которые взорвались много тысяч лет тому назад, и которых частицы еще до сих пор кружатся во вселенной, фрагменты метеоров, астероидов, Андромеды, наконец, серия фильма, снятого автоматической камерой, оставленной на целую ночь для фиксации движения звезд.

... увеличенные репродукции клеток - нервов, мускулов, костей, крови, сперматозоидов...

Вот — кажется ключ к творчеству скульптора: страстное желание придвинуться к таинственному, слепящему и захватывающе - радостному Завтра. Архипенко — поэт завтрашнего дня, он уже творит на фоне не нашего века, а того, что наступит после нас, а который иногда чувствуем в далеких зонах нашей интуиции, нашего подсознания. Архипенко и сам говорит, что многие концепции его произведений навеяны ему снами, а сны — по его интерпретации это интенсивный контакт липа, оларенного особой восприимчивостью, с идеями, находящимися в метафизическом пространстве вселенной.

**

КАК мастер, владеющий одновременно всеми стилями и вооруженный техническими опытами в с е х эпох, он с виртуозной легкостью переходит границы стилей и воплощается в каждый стиль, не теряя при этом своей полной художественной суверенности. Ведь и в скульптуре Египта или Ассирии или Геттитов столько же трагедийности

и монументальности, так как и они насыщены печальной профетичностью, словно приоткрывают дверь в грядущие времена. Посмотрите на "Вазы" Архипенко и вы почувствуете ту же самую скорбь поющей, тончайшей линии духовной гармонии, которые поражают нас при виде египетских произведений искусства. Это скорбь вечности. Это есть чувство "вневременности", сознание связи с прошлым и с будущим, ибо "мое творчество метафизического происхождения" — говорит Архипенко.

В Америке Александр Архипенко находится с 1923 г. и заполняет три десятилетия напряженным творчеством, которое за этот период находит все более монументальное совершенство.

Все эксперименты Архипенко в области пластических искусств, как "пространственная скульптура", "скульпто-живопись", "архипентура" (синтез живописи, пространства и движения), "конкретная пластика" (проблема лепки света), принципы Архипенко: "прозрачность, свет, пространство, вгнутость" были встречены в Америке с необычайным интересом. Актуальность работ Архипенко является следствием не только необыкновенных, револю-

ционных приемов его скульпторской техники, но, может быть в первую очередь, объясняется прямой *correspondance* архипенковского стиля с общим американским пейзажем, и американским мировоззрением, устремленным в будущее. Лекции Архипенко, читаемые им периодически в разных университетах США от Колумбийского до далекого Ванкувера вызывают всегда громадный интерес. Его школы в Чикаго, Нью-Йорке и в Вудстоке около Нью-Йор-

ка дали многим их ученикам соответствующее направление. Критика США считает Архипенко "наибольшим скульптором после Родена". Как говорит Архипенко: "Я никогда не принадлежал к определенным школам, из академий меня изгоняли, я искал, я изобретал и экспериментировал, а затем уже мне подражали... имитировали... Искусство — это постоянное творческое течение вверх, вперед..."

Из творческой продукции следует назвать хотя бы только: "Пьеро", "Жозефина Бонапарте", "Шехеразада", "Лазарь", "Индийская принцесса", "Венера", "Венера рождающаяся из пены" и много других (в том числе и декоративно-монументальные работы, как железный

постамент у входа в университет в Канзас-Сити, 21 фута высоты, с применением принципа "конкретной пластики" — освещение из середины), находившихся в музеях и частных коллекциях на трех континентах, от Дармштадта до Токио, от Праги до Мехико.

Следует отметить, что Архипенко — не только скульптор. Не все знают его как живописца, более того — портретиста, чрезвычайно интересного в тех редких случаях, когда он отдает предпочтение объективной предметности, фигуративности.

Стиль Архипенко переходит в историю не только как комплекс определенных технико-формальных открытий ("я не занимаюсь абстракцией для самой абстракции" — говорит скульптор), а как система эстетики, как артистическое мировоззрение. Зависимость пластики европейской и американской, от Архипенко, на долгие годы предопределена.

Ю. Косач